
И.А. Николаев

Возможности и ограничения
бюджетного импульса
в экономической политике России
в условиях санкций

Москва
Институт экономики
2024

Рецензенты
Чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. Р.С. Гринберг
г.н.с., д.э.н., проф. В.Н. Бобков

Николаев И.А. Возможности и ограничения бюджетного импульса в экономической политике России в условиях санкций: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2024. – 53 с.

ISBN 978-5-9940-0729-7

Аннотация. В докладе дана оценка перспективам бюджетного импульса как ключевого направления экономической политики России в условиях санкций. Несмотря на явный положительный результат от проведения политики масштабного бюджетного стимулирования экономики, у бюджетного импульса есть и очень серьезные ограничения. Среди таких ограничений выделяется ускорение инфляции и связанное с этим ужесточение денежно-кредитной политики, рост долговой нагрузки, повышение налогов и пр. Обосновывается вывод, что в российской экономике сложилась ситуация, когда не продолжать политику бюджетного импульса нельзя. Однако экономика все больше приближается к ситуации, когда проводить ее будет невозможно.

Ключевые слова: бюджетный импульс, кейнсианство, санкции, ограничения, макроструктурные изменения.

Классификация JEL: E21, E22, E65, F51.

Nikolaev I.A. Possibilities and Limitations of Budget Impulse in Russia's Economic Policy under Sanctions: Scientific Report. – М.: Institute of Economics, RAS, 2024. – 53 p.

The report assesses the prospects for budget impulse as a key direction of Russia's economic policy under sanctions. Despite the obvious positive result from the policy of large-scale budget stimulation of the economy, budget impulse also has very serious limitations. Among such limitations are the acceleration of inflation and the associated tightening of monetary policy, the growth of the debt burden, the increase in taxes, etc. The conclusion is substantiated that the Russian economy is in a situation where it is impossible not to continue the policy of budget impulse. However, the economy is increasingly approaching a situation where it will be impossible to implement it.

Keywords: budget impulse, Keynesianism, sanctions, restrictions, macrostructural changes.

JEL Classification: E21, E22, E65, F51.

© Николаев И.А. 2024
© Институт экономики РАН, 2024
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Бюджетное стимулирование: теоретические основы	6
Глава II. Бюджетный импульс в системе противодействия России санкционному давлению	17
1. Понятие бюджетного импульса	17
2. Место и масштаб бюджетного импульса	19
3. Ограничения бюджетного импульса	24
Глава III. Бюджетный импульс и макроструктурные изменения	34
Заключение	49
Литература	52

Введение

Экономика любой страны, против которой вводятся экономические санкции, вынуждена решать проблему нахождения дополнительных финансовых ресурсов. Экономика России не является в данном случае исключением. Внешние финансовые рынки в результате введенных санкций оказались закрыты. Экономика России ранней весной 2022 года, сразу после начала введения масштабных санкционных ограничений, оказалась в шоковом состоянии. Однако по итогам 2022 года ВВП России снизился, по данным Росстата, на относительно небольшую величину — на 1,2%¹. Этот результат оказался намного лучше первоначальных ожиданий, но одновременно и намного хуже по сравнению с тем же официальным прогнозом Минэкономразвития России, с которым экономика вступала в 2022 год (плюс 3% по ВВП)². Это означает, что решение проблемы с получением дополнительных доходов превратилось в задачу первостепенной важности.

В 2022 году проблема нахождения дополнительных доходов была в значительной мере решена благодаря резко взлетевшим мировым ценам на нефть. Однако внешнеэкономическая конъюнктура изменчива и уже к концу 2022 года цены на углеводороды, что особенно важно для России, стали снижаться. Тем не менее, расходы федерального бюджета в 2022 году выросли очень значительно. Этот рост продолжался и в 2023 году, хотя основой его уже не могли являться быстрорастущие доходы от экспорта. Бюджетный импульс, именно так по праву можно характеризовать взрывной рост госрасходов, продолжается и в 2024 году.

В условиях сохраняющегося масштабного бюджетного стимулирования экономики встают естественные вопросы о том,

-
1. Индексы физического объема валового внутреннего продукта в рыночных ценах в соответствии с методологией СНС 2008. <https://showdata.gks.ru/report/277382/>
 2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. https://economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf

как долго это может продолжаться, какие показатели-индикаторы могли бы свидетельствовать о границах бюджетного импульса, какие макроструктурные изменения происходят в экономике под влиянием бюджетного импульса и какие от этого могут быть последствия и др.

Актуальность таких вопросов будет оставаться высокой, так как у российской экономики хотя и сохраняется определенный запас прочности, но не стоит и преувеличивать его величину, потому что потребность в бюджетных расходах будет оставаться значительной. Именно с этой – фискальной – целью будут реализовываться такие меры, как повышение налогообложения и приватизация. О необходимости реализации этих мер было заявлено в начале весны 2024 года, а в дальнейшем решение этих вопросов было переведено в практическую плоскость.

Однако поиск дополнительных источников доходов имеет, по понятным причинам, ограничения. Данные ограничения не столь очевидны для быстрорастущей экономики. Но такие ограничения, безусловно, существуют для российской экономики, которая в условиях сохраняющегося сильнейшего санкционного давления не может рассчитывать на постоянные высокие темпы роста и, соответственно, на столь же значительный рост доходов.

Значит, расширенное бюджетное стимулирование имеет свои пределы. Научное осмысление этих пределов и соответствующих последствий является задачей данного исследования. Успешность решения поставленной задачи позволит более обоснованно прогнозировать развитие российской экономики в условиях высокой неопределенности, обусловленной беспрецедентными внешними вызовами.

Бюджетное стимулирование: теоретические основы

Бюджетное стимулирование экономики (бюджетный импульс) имеет очевидную теоретическую основу – кейнсианство.

Джон М. Кейнс, предлагая в качестве рецепта выхода из Великой депрессии 30-х годов прошлого века увеличение государственных расходов в целях стимулирования совокупного спроса, вряд ли мог предположить, что принципиально такие же подходы будут использоваться по всем миру и почти через 100 лет. Эти подходы не только находят применение, но и показывают свою эффективность.

Предложение Кейнса о необходимости активного государственного вмешательства в регулирование рыночной экономики было настолько востребованным, что оно на долгие годы оказалось в фокусе исследовательского внимания со стороны ученых. Активно разрабатывались неокейнсианские теории, в том числе теория макроэкономической динамики. Среди авторов можно выделить следующих ученых: Р. Харрода (*Harrod*, 1964, 2007), Э. Хансена (*Hansen*, 1952, 2011), К. Кларка (*Clark*, 1965), Х. МакКрэкена (*Harlan L. McCracken*, 1961) и др.

Когда разразился мировой экономический кризис 2008–2009 годов, ставку на методы борьбы с ним сделали, опираясь именно на масштабное денежное стимулирование спроса. Популярными для насыщения экономики деньгами стали так называемые программы количественного смягчения (QE), к которым прибегали США, Великобритания, Евросоюз, Япония и другие страны. Китай, помимо огромных финансовых вливаний в банковскую систему, значительно увеличил и госрасходы в реализацию инфраструктурных проектов. Схожую антикризисную политику в тот период проводила и Российская Федерация.

Ведущие страны и мировая экономика в целом успешно преодолели мировой финансовой кризис 2008–2009 годов. Кейнси-

анские методы борьбы с кризисом, реализуемые через новые современные механизмы, доказали свою эффективность.

Кейнсианские методы борьбы с кризисом оказались востребованы, несмотря на то что до 2020 года, т.е. до начала «пандемийного» кризиса, и, соответственно, до 2022 года преобладало мнение о том, что российская модель экономики лишена оснований для действия кейнсианских инструментов (Тарнуха, 2017). Однако ситуация изменилась.

В 2020 году мировая экономика оказалась в ковидном кризисе. Пандемия COVID-19 с ее локдаунами вновь вынудила правительства многих стран прибегнуть к колоссальному увеличению госрасходов с целью стимулирования эффективного спроса. Россия действовала схожим образом. И вновь кейнсианские подходы борьбы с экономическим кризисом, даже такого специфического ковидного характера, показали свою эффективность.

После 24 февраля 2022 года, когда против российской экономики стали вводиться беспрецедентные по количеству, масштабу и силе санкционные ограничения, вопрос о ключевом антикризисном механизме не стоял. Снова — масштабное бюджетное стимулирование (бюджетный импульс), направленное на стимулирование потребительского и инвестиционного спроса. Таким образом, вновь рост госрасходов, вновь кейнсианство.

Не представляется удивительным, что на официальном уровне не было признания того что теоретической основой антикризисной политики в период мощного санкционного давления на российскую экономику стали воззрения Джона М. Кейнса (Кейнс, 2024). Это понятно и объяснимо. Тем не менее, это именно так.

Джон М. Кейнс рассчитывал на то что «государство... будет брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций» (Кейнс, 2024).

Именно «слабость побуждения к инвестированию, — по мнению Кейнса, — во все времена была главной экономической проблемой» (Кейнс, 2024).

Более того, по его мнению, «регулирование объема текущих инвестиций оставлять в частных руках небезопасно» (Кейнс, 2024).

Неудивительно, что Кейнс защищал расширение функций правительства по денежному стимулированию экономики

«как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы» (Кейнс, 2024).

Таким образом, противостояние санкционному кризису в России основывается именно на кейнсианских подходах борьбы с экономическими кризисами.

Есть, что неудивительно, и такая характеристика модели роста подсанкционной экономики России — квазикейнсианская модель (Сморodinская, Катуков, 2023). Автору представляется это непринципиальным: все равно в основе лежит кейнсианство, даже если оно «квази-».

Российской экономике удалось избежать обвала в 2022 году, когда ВВП снизился на 1,2%. Более того, уже в 2023 году был зафиксирован ощутимый прирост ВВП — на 3,6%. В 2024 году — тоже положительный результат. Значит, кейнсианские подходы для борьбы с кризисом в очередной раз показали свою действенность. Это, безусловно, так. Однако есть и важные особенности, которые, с одной стороны, усилили положительный эффект масштабного бюджетного стимулирования эффективного спроса. Рыночная экономика — это экономика прежде всего спроса. Есть спрос — будет и предложение. С другой стороны, есть и ограничения для стимулирующего воздействия.

Прежде всего необходимо отметить, что кейнсианцы, обосновывая эффективность антикризисного увеличения госрасходов, не уделяли должного внимания тому важному обстоятельству, что экономические кризисы по природе своего возникновения могут быть разными. Кризисы могут быть циклическими и структурными. Могут быть и кризисы, вызванные внешними шоками. Собственно говоря, это и есть три основных типа кризисов. Всех их объединяет то, что падающий спрос, даже если он вызван разными причинами, негативно отражается на производстве товаров и услуг. Значит, повышенные госрасходы реанимируют спрос, приводя через это к оживлению экономической динамики. Так и происходит.

Отличия в действенности бюджетного стимулирования в целях выхода из экономических кризисов разных типов существуют. Если спросовые ограничения существуют в разных кризисах

(собственно говоря, именно поэтому ставка на стимулирование спроса оказывается верной), то ситуация с предложением товаров и услуг различается. Во время циклических и структурных кризисов стимулирование спроса ведет к его повышению, в ответ на что увеличивается по законам рыночной экономики и предложение.

Кризис в России 2022 года — кризис, вызванный внешними шоками, отличается дополнительно еще и тем, что искусственно с помощью санкций было ограничено предложение товаров и услуг импортного происхождения. Поставки из-за рубежа в Россию многих видов высокотехнологичной, и не только, продукции были прекращены. Произошел массовый исход иностранных компаний из России. Возможно, именно поэтому активно стала обсуждаться тема создания в России экономики предложения. Таким образом, санкционный кризис в России — это не только кризис спроса, столь характерный для кризисов рыночной экономики, но это еще и кризис предложения. Тем не менее, антикризисная политика, основанная на масштабном стимулировании спроса, показала, что даже в этом случае проблемы и спроса, и предложения могут успешно решаться. Другой вопрос — сколь долго они могут решаться.

Вообще вопрос длительности применения кейнсианских методов борьбы с кризисом — ключевой вопрос. Сам подход — значительное увеличение государственных расходов в целях стимулирования эффективного спроса предполагает, что он не может реализовываться долго. Это невозможно, хотя бы потому что существует ограниченность финансовых ресурсов. Таким образом, масштабное денежное стимулирование ограничено по времени, причем достаточно жестко.

Но есть и другие очень серьезные ограничения для продолжения политики денежного стимулирования экономики со стороны государства. Эти формирующиеся ограничения будут подробно изложены ниже.

Тем не менее, перспективы сворачивания бюджетного импульса, который используется для борьбы с санкционным кризисом, представляются неоднозначными. Проблема в том, что первопричина такого кризиса — санкции — по мере борьбы с ним никуда не исчезает. Более того, санкционное давление, как в случае с Россией,

даже усиливается. Следовательно, повышенные госрасходы должны вынужденно продолжать осуществляться. Как только они заметно снизятся — темпы роста экономики резко упадут. Получается, что снижать расходы нельзя, но не снижать их тоже нельзя, потому что они имеют ограниченный характер, а инфляция никак не идет вниз. В результате кейнсианские подходы в борьбе с кризисом хорошо себя зарекомендовали в преодолении традиционных рыночных кризисов циклического или структурного характера, но они имеют явную ограниченность в борьбе, к примеру с санкционным кризисом российской экономики.

Важно уточнить, что не все кризисы, вызванные внешними шоками, имеют не очень хорошие перспективы, если для их преодоления используются кейнсианские подходы. Так, ковидный кризис с экономической точки зрения был преодолен достаточно оперативно и успешно благодаря бюджетному стимулированию (*Блюдорн, Чен, 2020*). Объяснение этому успеху простое: внешний шок в виде пандемии COVID-19 относительно быстро — уже в 2023 году закончился. Внешний шок прекратился — страны смогли переключиться на борьбу с выросшей инфляцией.

С санкционным кризисом все по-другому. Внешняя причина кризиса — санкции не только не прекратила своего существования, но даже продолжает усиливаться. И в такой ситуации правомерно говорить о продолжении санкционного кризиса. Здесь, правда, требуются дополнительные комментарии.

Естественно встает вопрос о том, правомерно ли говорить о санкционном кризисе, если уже в 2023 году экономика показала ощутимый прирост ВВП. Формально — статистически это именно так, но основная причина кризиса в виде санкций, как было сказано выше, никуда не исчезла. Экономика по-прежнему остается в стрессовом состоянии, под давлением. Переход к положительным темпам роста экономики — это формальный критерий окончания экономического кризиса. Сущностный, неформальный критерий в виде причин, вызвавших кризис, остается. Темпы роста российской экономики в 2024 году, несмотря на продолжающееся масштабное денежное стимулирование, по-видимому, будут ниже, чем в 2023 году. В 2025 году они снизятся еще больше. Поэтому о преодолении кризиса говорить явно преждевременно.

Зато не преждевременно говорить о том, что повышает эффективность кейнсианских методов в борьбе с кризисом в современной России, находящейся под беспрецедентными санкционными ограничениями. То, что в первые годы после резкого усиления санкционного давления экономика России показала свою устойчивость, объясняется целым рядом факторов, которые фактически стали ее преимуществами.

В числе таких преимуществ можно выделить:

- наличие масштабной финансовой основы;
- рыночность российской экономики;
- усиление закрытости российской экономики;
- военно-промышленный комплекс как основной получатель увеличившихся госрасходов;
- невысокий уровень жизни людей.

Наличие масштабной финансовой основы. Кейнсианские методы борьбы с экономическим кризисом в виде бюджетного стимулирования имеют хорошие шансы на достижение требуемых результатов, если для них есть необходимые финансовые ресурсы. Россия по ряду причин оказалась в этом отношении в выигрышном положении.

Во-первых, после резкого усиления санкционного давления на российскую экономику в целом, и на энергосырьевой сектор в особенности, сильно выросли мировые цены на энергосырьевую продукцию. В результате российская экономика получила рекордные экспортные доходы, что самым благоприятнейшим образом сказалось и на доходах российского бюджета.

Во-вторых, изначально низкий уровень российского госдолга позволил достаточно безболезненно его наращивать. Такое стало возможным даже в условиях, когда внешние источники финансирования фактически обнулились.

В-третьих, относительно невысокий уровень налоговой нагрузки в российской экономике позволил задействовать и этот резерв – в виде повышения налогов. В результате в 2024 году были приняты серьезные налоговые нововведения, которые существенно повысили уровень налоговой нагрузки. Одно только введение прогрессии по ставкам НДФЛ, а также повышение ставки налога на

прибыль должно дать 2,6 трлн рублей дополнительных доходов в 2025 году, которые пойдут в федеральный бюджет³.

В-четвертых, сама экономика генерировала достаточно высокий уровень доходов, потому что в 2022 году падение ВВП оказалось незначительным (-1,2%), а в 2023 году и вовсе был его рост (на 3,6%). В 2024 году положительная экономическая динамика была продолжена.

В-пятых, весьма кстати оказались и средства, накопленные в Фонде национального благосостояния. В результате даже по состоянию на 1 июля 2024 года объем Фонда составлял 12,6 трлн рублей⁴, в то время как на февраль 2022 года в нем насчитывалось 13,6 трлн рублей⁵.

Рыночность российской экономики. Стимулирование экономики за счет значительного увеличения госрасходов – это рыночный подход, рыночное поведение одного из субъектов рынка – государства. Государство готово платить за вполне определенные товары и услуги, платить много, и у него для этого есть необходимые финансовые ресурсы. Так как в России созданы, при всех минусах и недостатках, необходимые рыночные институты, то такое стимулирование спроса работает. В результате экономика не только быстро адаптируется к санкциям, но даже способна демонстрировать экономический рост.

Рыночность российской экономики достаточно ярко проявилась и в том, сколь быстро российский бизнес после 24 февраля 2022 года перестроил логистику своей внешнеэкономической деятельности. Введенные против России санкции были в значительной мере направлены на то чтобы затруднить экспортно-импортные операции (прямые запреты, установление ценовых потолков и пр.). Все это потребовало быстрого нахождения новых рынков сбыта для российских товаров, или значительного увеличения их поставок на открытые для экспорта рынки. Большие изменения произошли и

3. Финансово-экономическое обоснование – Законопроект № 639663-8 (Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам). <https://sozd.duma.gov.ru/bill/639663-8>

4. Размер фонда национального благосостояния. <https://minfin.gov.ru/>

5. Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya

в логистике импорта. Таким образом, российский бизнес показал свою рыночность, свою адаптивность к резко изменившимся в худшую сторону обстоятельствам.

Усиление закрытости российской экономики. То, что экономика России после введения против нее санкций оказалась более закрытой, стало ее преимуществом на данном этапе. Масштабное денежное насыщение экономики через проведение политики бюджетного стимулирования могло и не иметь такого эффекта, который наблюдается после 24 февраля 2022 года. Вполне реалистичной могла быть ситуация, когда потребители с выросшими доходами старались бы покупать прежде всего импортные товары и услуги. Открытая экономика при прочих равных располагает к этому. Но если в результате стимулируется потребление импортных товаров и услуг, то производство собственных не растет, экономика не растет. Помимо этого, бизнес в такой экономике демонстрирует значительные масштабы вывоза капитала. Покупают импортное, капитал вывозится — экономика не имеет хороших перспектив для роста.

Другое дело, когда экономика уж если не закрытая, то степень ее закрытости в результате санкций существенно возрастает, что и происходит в России. Но это является результатом не только санкций, но и собственной политики. К примеру, ограничения по экспорту тех или иных товаров из России в 2022–2024 годах — это решения Российской Федерации.

Усиление закрытости российской экономики, если рассматривать этот процесс не только с точки зрения возможности приобретения импортных товаров, безусловно имеет и серьезные негативные последствия. В первую очередь имеется в виду обвальное сокращение иностранных капиталовложений в российскую экономику. Но в контексте проведения политики масштабного бюджетного стимулирования есть и то, что повышает положительный экономический эффект. В результате стимулы для развития собственной экономики через увеличившиеся госрасходы становятся сильнее.

Военно-промышленный комплекс как основной получатель увеличившихся госрасходов. В связи с началом 24 февраля 2022 года Специальной военной операции, связанной с со-

бытиями в Украине, значительно увеличились госрасходы именно на ВПК. Это, как оказалось, имеет определенные преимущества в целях повышения эффективности кейнсианских методов в борьбе с кризисом. Данные расходы — это далеко не в первую очередь классические госрасходы (на ту же инфраструктуру), требуемые для запуска динамичного развития экономики. Это расходы, необходимые для обеспечения обороноспособности страны. Обязательность, защищенность, гарантированность оборонных расходов значительно выше, потому что решение геополитических задач приобретает первостепенное значение. Кроме того, у таких расходов очень высокий мультипликативный эффект. Это и денежное довольствие, и зарплаты, и финансирование производства военной техники, и строительство, и т.д. Недаром экономический рост стали показывать практически все отрасли российской экономики.

Феномен мультипликатора хорошо известен в кейнсианском подходе увеличения госрасходов с антикризисными целями. Новейший российский опыт применения такого подхода продемонстрировал преимущество оборонных расходов в качестве мультипликатора.

Однако здесь важно учитывать очень серьезное обстоятельство. Такой повышенный мультипликативный эффект является ограниченным по времени. Если рассматривать его на более отдаленную перспективу, то необходимо учитывать, что, как отметил еще в декабре 2022 года Банк России, происходит смещение расходов в сторону менее производительных⁶. Преимущество оборонных расходов с точки зрения мультипликативности в длительной перспективе утрачивается.

Важная особенность ВПК состоит в том, что это самый что ни на есть реальный сектор экономики. Проблема современных развитых рыночных экономик состоит в том, что в них гипертрофированно развит спекулятивный финансовый сектор. Эффективность кейнсианских антикризисных подходов в таких экономиках находится под угрозой, потому что есть большая вероятность того что финансовые средства будут преимущественно перераспределены в финансовый спекулятивный сектор. Когда основной реци-

6. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43700/bulletin_23-01.pdf

пиент финансовых средств ВПК, такая опасность минимизируется, вероятность дисбаланса между финансовым и реальным секторами уменьшается, хотя и не исчезает совсем. Объективности ради необходимо признать, что проблемы спекулятивного сектора нет в явном виде в российской экономике не только потому что масштабная денежная поддержка оказывается государством ВПК, но и потому что механизмы финансовых спекуляций в России развиты пока не в той степени, как это есть в других странах. К тому же после введения финансовых санкций Россия оказалась во многом отрезана от мировой финансовой системы. Это сыграло свою положительную роль в стимулировании реального сектора экономики.

Особую роль военных расходов в стимулировании экономического роста подчеркивал Джон К. Гэлбрейт. По его мнению, такие расходы «в равной мере обеспечивают приобретение изделий у фирм-поставщиков и поддержание спроса в экономике в целом» (Гэлбрейт, 1979). Более того, он даже одобрительно цитировал Самнера Слитчера, приводя его слова о том, что «холодная война увеличивает потребность в товарах, помогает поддерживать высокий уровень занятости, ускоряет технический прогресс, и, таким образом, позволяет стране повышать жизненный уровень» (Гэлбрейт, 1979).

Приведенную цитату Гэлбрейт противопоставляет высказыванию П. Самуэльсона: «потенциальные и реальные темпы роста американской экономики, которые нисколько не зависят от военных приготовлений, стали бы намного выше с окончанием холодной войны» (Гэлбрейт, 1979).

Тем не менее, Джон К. Гэлбрейт не спорит с Джоном М. Кейнсом по мнению которого «непроизводительные расходы могут... в итоге обогатить общество» (Кейнс, 2024).

Невысокий уровень жизни населения. Этот явный недостаток социально-экономического развития России, как ни парадоксально, также превратился в преимущество при реализации кейнсианских подходов борьбы с санкционным кризисом. Реальные располагаемые денежные доходы населения снижались в России, начиная с 2014 года вплоть до 2022 года включительно. Исключения по годам были, но они не могли изменить общего результата за этот период: с 2014 года по 2022 год реальные располага-

емые денежные доходы населения снизились накопленным итогом примерно на 7%. Естественно, когда была сделана ставка на стимулирование спроса, люди живо откликнулись на это, они показали свою готовность потреблять. При невысоком уровне жизни людям не грозит «ловушка богатства», когда вроде все уже есть и тратить деньги больше не на что.

К тому же необходимо учитывать, что бюджетный импульс, выразившийся в росте зарплат, причем не только бюджетников, был подкреплен еще и «зарплатной гонкой», в которую были вынуждены вступить многие предприятия и организации, чтобы как-то решать проблему дефицита кадров. В результате реальные располагаемые денежные доходы населения выросли в 2023 году, по данным Росстата, на 5,4%, а реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций – на 7,6%. Неудивительно, что объем розничной торговли увеличился в 2023 году на 6,4%⁷. Потребительский спрос сработал мощно, мультипликатор расходов был очень большим, что стало парадоксальным преимуществом невысокого уровня жизни людей в стимулировании потребительского спроса.

Денежным стимулированием не ограничивались. Кейнсианский подход в борьбе с кризисом – это прежде всего денежное стимулирование спроса через повышенные госрасходы. Теория кейнсианства не только не отрицает, но, напротив, даже принимает тезис о том, что ограничиваться денежным стимулированием недостаточно. Можно и нужно дополнять это стратегическое направление борьбы с кризисом другими мерами. В России это было учтено в полной мере через реализацию целого комплекса мероприятий, что также повысило эффективность кейнсианства как теоретической основы антикризисной политики в период после 24 февраля 2022 года.

Таким образом, кейнсианство доказало свою эффективность в противостоянии экономическим кризисам на примере того, как пытаются это сделать в России после 24 февраля 2022 года. Более того, эта теория получает свое развитие через учет важных особенностей кризисов.

7. Социально-экономическое положение России 2023 год. №12. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf>

Бюджетный импульс в системе противодействия России санкционному давлению

1. Понятие бюджетного импульса

Бюджетный кодекс Российской Федерации, принятый еще в 1998 году и с тех пор многократно дополненный и исправленный, не содержит такого понятия, как «бюджетный импульс».

В принципе, это объяснимо, потому что бюджетный импульс — это не вопрос организации и функционирования бюджетной системы, это не относится к принципам и основам бюджетного процесса, к особенностям правового положения субъектов бюджетных правоотношений и пр.

Бюджетный импульс — это вопрос бюджетной политики, которая может различаться в зависимости от общей экономической ситуации в стране, состояния бюджета и целей, которые должны быть достигнуты. Соответственно, документ, в котором может быть место для бюджетного импульса — это не Бюджетный кодекс, а Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации. Бюджетный кодекс Российской Федерации (Ст. 184.2) определяет, что такой документ — Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики — представляется в законодательный (представительный) орган одновременно с проектом закона о бюджете⁸.

Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (сентябрь 2023 года) как раз и содержат раздел, посвященный бюджетному импульсу — «Бюджетный импульс: размер и каналы воздействия»⁹. Понятие бюджетного импульса раскрыва-

8. Бюджетный кодекс Российской Федерации <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721>

9. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTPP__2024-2026.pdf

ется Минфином России через указание на то что его оценка «включает как бюджетные операции, так и «квазибюджетные» операции под чертой – такие как предоставление бюджетных и международных кредитов, инвестиций ФНБ в финансовые активы российских организаций»¹⁰.

Важным для понимания, что такое бюджетный импульс, является также указание на то, как, по мнению Минфина России, бюджетный импульс транслируется в экономику.

Минфин России считает, что всего существует три канала, через которые бюджетный импульс транслируется в экономику¹¹.

Первый канал – это канал доходов: увеличиваются доходы нефинансового сектора (компаний и домохозяйств). Доходы растут как за счет увеличения пособий нуждающимся, индексации пенсий, МРОТ и прожиточного минимума и пр., так и за счет прямых отраслевых субсидий, снижения/отсрочки налогов, обнуления ввозных пошлин и т.д. Рост доходов приводит к повышению внутреннего спроса.

Второй канал – это канал кредита. Кредитная емкость нефинансового сектора повышается, так как растут его доходы, прибыль и капитал. Растет платежеспособный спрос, предложение кредита в экономике увеличивается.

Третий канал – это канал ожиданий. Минфин России уверен, что доверие экономических агентов проводимой бюджетной политике снижает возможные инфляционные последствия из-за временного отклонения от целевых параметров¹².

Если задействование каналов дохода и кредита при трансляции бюджетного импульса в экономику сомнений не вызывает, то аналогичная роль канала ожиданий не представляется бесспорной. Если действует бюджетный импульс (масштабное бюджетное стимулирование экономики), то это совсем не означает, что экономические агенты оценивают эту меру в качестве ответственной

10. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiТТР__2024-2026.pdf

11. Там же.

12. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiТТР__2024-2026.pdf

бюджетной политики, приводящей к снижению инфляции. Экономические агенты в таком случае скорее не задаются вопросом, насколько ответственной является политика в подобном исполнении. Напротив, они понимают и ожидают, что инфляция будет расти, но действуют прагматично, стараясь больше заработать. Таким образом, канал ожиданий при бюджетном импульсе работает, но работает он несколько отлично, от того как это представляет себе Минфин России.

Минфин России ожидает снижения возможных инфляционных последствий, однако растущий спрос не может не стимулировать рост цен. В результате инфляция повышается, и даже жесткость денежно-кредитной политики не позволяет справиться с этой проблемой.

Раскрывая сущность того что из себя представляет бюджетный импульс, следует также обратить внимание, что Минфин России оперирует именно словом «импульс». Это важно, потому что иногда говорят не об «импульсе», а о «бюджетном стимуле». Кажется бы, «стимул» — более подходящий термин, тем более когда имеется в виду масштабное бюджетное стимулирование. Однако Минфин России, можно предположить, имеет свои аргументы в пользу употреблении именно термина «импульс».

«Импульс» — это разовый толчок, который не может длиться долго, это мощное кратковременное воздействие. Словарь иностранных слов (1955 года) дает такое определение: «Импульс [лат. *impulsus*] — толчок к чему-либо, побуждение, стремление, побудительная причина, вызывающая какое-либо действие»¹³. И это слово как никакое другое подчеркивает ограниченную по времени продолжительность стимулирующего воздействия.

2. Место и масштаб бюджетного импульса

Экономика России, попавшая под беспрецедентные по силе и масштабам санкционные ограничения после 24 февраля 2024 года, смогла избежать резкого обвала только благодаря тому что были использованы возможности резко увеличить масштабы бюд-

13. Словарь иностранных слов. — Под ред. Лехина И.В., Петрова Ф.Н. 1955.

жетного стимулирования экономики. Фактически был использован кейнсианский подход в борьбе с, казалось бы, неминуемым глубоким экономическим кризисом.

Чтобы стало реальным использовать такой подход, требуются огромные финансовые ресурсы. Сложившаяся благоприятнейшая ценовая конъюнктура на энергосырьевые товары российского экспорта сразу после начала введения масштабных антироссийских санкций позволили России получить в 2022 году рекордные экспортные доходы. Это укрепило возможность масштабного бюджетного импульса, который уже в 2022 году был значительным и фактически сопоставимым по масштабу с тем, что был в 2020 году – первом году пандемии COVID-19, когда масштабные бюджетные денежные вливания позволили уменьшить негативные экономические последствия ковидного кризиса.

Таким образом, бюджетный импульс – главное антикризисное оружие в механизме не только противодействия экономическому спаду сразу после 24 февраля 2022 года, но и обеспечения экономического роста в дальнейшем. Только сначала этот импульс был подкреплен колоссальными экспортными доходами, а потом (с конца 2022 года, когда снизились мировые цены на нефть), он стал возможен благодаря, во-первых, все-таки сохраняющемуся на относительно высоком уровне сырьевом экспорте, во-вторых, имеющимся финансовым резервам и, в-третьих, генерируемым благодаря разогретой экономике доходам. Плюс стала повышаться налоговая нагрузка.

Важнейший вопрос состоит в оценке масштаба бюджетного импульса. Именно от масштаба, во-первых, зависит сила его стимулирующего воздействия на экономику. Во-вторых, масштаб бюджетного импульса, когда соотносишь его с имеющимися финансовыми возможностями, дает представление о том, сколь долговременным он может быть.

Минфин России представляет свои оценки размера бюджетного импульса (рис.1).

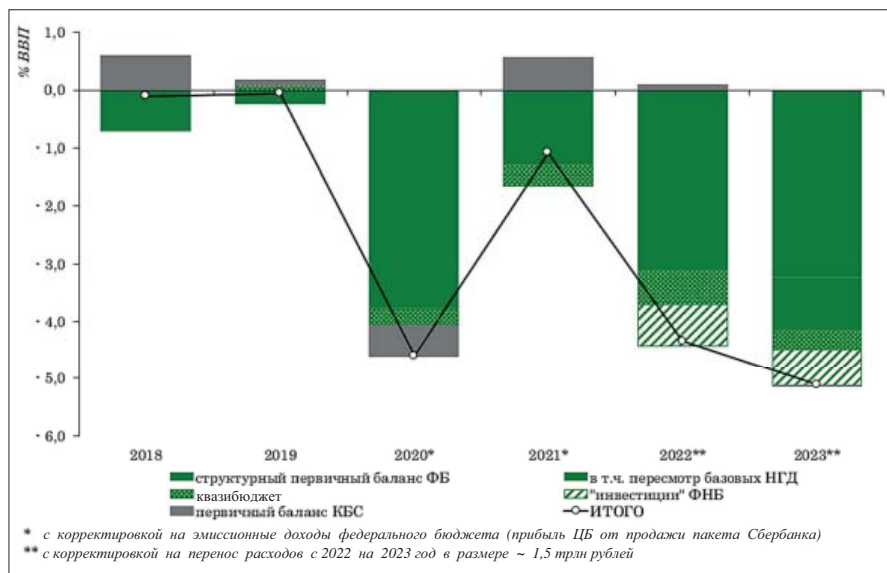

Рис. 1. Размер бюджетного импульса в 2018–2023 годах.

Источник: Минфин России.

Так, по оценке российского финансового ведомства, значительный бюджетный импульс, как отмечалось выше, был уже в 2020 году – первом году пандемии COVID-19 – в размере 4,5% ВВП.

Немного меньше размер бюджетного импульса был в 2022 году – около 4,3% ВВП. Необходимость нового бюджетного импульса была, правда, в другом: требовалось противостоять полномасштабному экономическому кризису, вероятность которого резко выросла после введения масштабных санкций против российской экономики.

Наконец, размер бюджетного импульса в 2023 году составил 5% ВВП. Минфин России не давал своих оценок размеров бюджетного импульса в 2024 году. Однако можно не сомневаться, судя хотя бы по динамике расходов федерального бюджета, что размер бюджетного импульса в 2024 году будет не меньше, чем в 2023 году.

Расходы федерального бюджета. Помимо представленных оценок бюджетного импульса со стороны Минфина России, хорошо дополняет представление о его масштабах соответствующее

щая информация о расходах федерального бюджета. Расходы федерального бюджета в 2022 году увеличились до 31,1 трлн рублей по сравнению с 24,8 трлн рублей в 2021 году, то есть на 6,3 трлн рублей. Прирост расходов только за один год составил 25,4%. Прирост расходов федерального бюджета в 2023 году был скромнее – до 32,4 трлн рублей¹⁴, или на 4,2%. Это совсем не означает, что бюджетный импульс стал ослабевать, ведь прирост состоялся к уже значительно выросшей базе.

Запланированные расходы на 2024 год должны вырасти на 17%, до 37,9 трлн рублей¹⁵. С учетом принимаемых решений по увеличению расходной части бюджета эта цифра вряд ли будет окончательной. То есть 2024 год – это вновь год значительного прироста расходов, означающий, что бюджетный импульс не только сохранился, но даже существенно усиливается.

Дефицит федерального бюджета. Наглядно дополняют представление о масштабах бюджетного импульса данные о размере дефицита федерального бюджета. Теоретически большой дефицит федерального бюджета необязательно является свидетельством масштабности бюджетного импульса. К примеру, если вдруг резко упали доходы бюджета, а расходы остались на прежнем уровне, то дефицит в таком случае резко увеличится. Однако о бюджетном импульсе говорить не приходится. В ситуации, когда резко увеличиваются расходы бюджета, но очень вероятно, что доходы столь же стремительно будут следовать за ними. Следовательно, дефицит бюджета резко возрастет.

Дефицит федерального бюджета в 2022 году составил 3,3 трлн рублей (2,1% ВВП). И это несмотря на колоссальные нефтегазовые доходы бюджета 2022 года, которые были обеспечены благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой на энергосырьевые товары. В 2023 году дефицит федерального бюджета был примерно на уровне 2022 года – 3,2 трлн рублей, хотя в относительном выражении он оказался меньше – около 2% ВВП. Нефтегазовые доходы федерального бюджета в 2023 году составили 8,8 трлн рублей, что

14. Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета (млрд руб.). https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhet_mlrd_rub

15. Федеральный бюджет. <https://minfin.gov.ru/>

было ниже показателя 2022 года, когда их было собрано почти 11,6 трлн рублей¹⁶.

На 2024 год первоначально утвержденный дефицит федерального бюджета был заметно ниже соответствующего показателя предыдущих лет – 1,6 трлн рублей (0,9% ВВП), однако летом 2024 года он был увеличен до 2,1 трлн рублей (1,1% ВВП)¹⁷.

Таким образом, дефицитность федерального бюджета сохраняется относительно большой, она приняла хронический характер.

Более значительный дефицит федерального бюджета был зафиксирован в пандемийный 2020 год – 4,1 трлн рублей¹⁸. С окончанием пандемии появились все шансы для перехода к профицитному бюджету, однако наступила новая геополитическая реальность, в которой доходов стало явно не хватать для покрытия расходов.

Денежная масса. Масштабное бюджетное стимулирование экономики, как можно предположить с большой долей уверенности, должно обязательно отразиться на динамике денежного агрегата M2.

На 1 января 2024 года денежная масса (M2) в России достигла 98,4 трлн рублей, а на 1 июня 2024 года превысила 102,5 трлн рублей¹⁹. Наиболее впечатляющий прирост денежной массы (M2) пришелся на 2022–2023 годы. За 2022 год денежная масса (M2) в России выросла на 24,4%²⁰. В 2023 году прирост был немного меньше – на 19,4%²¹.

-
16. Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета (млрд руб.). https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzhet_mlrd_rub
 17. Федеральный закон о внесении изменений в федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=480696&dst=100001#DeF2fKIWuZNOZL5X2>
 18. Краткая ежегодная информация об исполнении федерального бюджета (млрд руб.). https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzhet_mlrd_rub
 19. Статистический бюллетень Банка России №6, 2024. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49287/Bbs2406r.pdf>
 20. Статистический бюллетень Банка России №1, 2023. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43719/Bbs2301r.pdf>
 21. Статистический бюллетень Банка России №6, 2024. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49287/Bbs2406r.pdf>

Для сравнения: за пандемийный 2020 год денежная масса (M2) в России выросла на 13,5%²², за 2021 год – на 13%²³. Таким образом, в 2022–2023 годах темпы прироста денежной массы (M2) в России резко выросли, что явилось следствием в первую очередь масштабного бюджетного стимулирования.

3. Ограничения бюджетного импульса

Бюджетный импульс, доказавший свое стимулирующее воздействие на экономику, не может быть по объективным причинам долговременным. Существуют вполне определенные причины, ограничения, которые формируют его границы. Это обязательно необходимо учитывать, оценивая перспективы бюджетного импульса.

Стратегия использования бюджетного импульса в качестве стимула для экономики заключается в том чтобы с его помощью вернуть экономику к уверенному росту, который мог бы быть продолжен и без него. Не может быть долговременного, устойчивого и значимого экономического роста, основанного на бюджетном импульсе. Среди ограничений для продолжения политики бюджетного импульса можно выделить такие как:

- дефицитность бюджета;
- жесткая денежно-кредитная политика;
- рост долговой нагрузки;
- рост налоговой нагрузки;
- деприватизация и пр.

Данные ограничения не становятся очевидными сразу с началом действия бюджетного импульса. Они становятся явными по мере его действия. Причем их негативное влияние на экономический рост может проявляться не сразу. Однако даже в этом случае становится понятным, что экономический рост, основанный на бюджетном импульсе и не подхваченный кредитным импульсом, не может быть высоким, уверенным и долговременным.

22. Статистический бюллетень Банка России №1, 2021. https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/36661/Bbs2101_r.pdf

23. Статистический бюллетень Банка России №1, 2022. <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39755/Bbs2201r.pdf>

Дефицитность федерального бюджета. Дефицит федерального бюджета в нормальных условиях, когда нет необходимости прибегать к бюджетному импульсу, не является серьезным ограничением для обеспечения устойчивого экономического роста. В такой ситуации понятно, что необходимости ужесточать бюджетную политику нет. Следовательно, по-прежнему можно рассчитывать на то что госрасходы, как минимум, будут сохранены в прежнем объеме и продолжат оказывать свое стимулирующее действие.

Напротив, когда экономика растет благодаря бюджетному импульсу, это означает, что надо или увеличивать долговую нагрузку, или повышать налоги, или ускоренно тратить резервы, или..., или делать все вместе. А это вряд ли может позитивно влиять на экономический рост.

Рост долговой нагрузки. Россия, очень тяжело прошедшая через дефолт августа 1998 года, имеет печальный опыт неконтролируемого роста долговой нагрузки. Но даже если это и контролируемый рост, важнейшее значение имеет тенденция, складывающаяся на долговом рынке.

К апрелю 2024 года госдолг в России составил около 15% ВВП²⁴. Это – совсем небольшой уровень госдолга, если сравнить с зарубежными странами.

Однако важнейшее значение имеет даже не этот относительный показатель, а то, сколько приходится тратить средств на обслуживание госдолга и то, какие здесь формируются тенденции. Если с этой точки зрения посмотреть на проблему, то соответствующая картина уже сегодня предстает не самая хорошая. Во всяком случае, министр финансов РФ Антон Силуанов сам признает, что расходы по обслуживанию госдолга в России уже высокие²⁵.

Если в 2019 году расходы по обслуживанию госдолга составляли 3,6% от общего уровня доходов, то в 2024 году они должны составить 6,5%, а в 2026 году вырастут и вовсе до 9,7%²⁶. Причем к этой цифре необходимо относиться как к оптимистичной оценке, так как уже после ее обнародования растущие расходы федерально-

24. Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны. <https://www.interfax.ru/russia/955290>

25. Там же.

26. Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны. <https://www.interfax.ru/russia/955290>

го бюджета потребовали соответствующего изменения показателя дефицита бюджета.

Важнейшая причина роста расходов на обслуживание госдолга заключается в том, что с уходом иностранных компаний-инвесторов долговой рынок серьезно изменился, в апреле 2024 года 10-летние бонды покупали под 13,4% годовых²⁷, что дорого.

Существует еще и проблема увеличения долгового финансирования дефицита федерального бюджета, на что обращал внимание в своем докладе Институт экономики РАН²⁸.

В такой ситуации Минфин России вынужден пытаться ограничивать бюджетный дефицит, гасить, так получается, бюджетный импульс. Емкая программа заимствований на 2024 год — на 4,1 трлн рублей²⁹, можно практически не сомневаться, будет выполнена. Но проблема далеко не в этом, проблема, как свидетельствуют приведенные выше цифры, во-первых, в быстром росте расходов на обслуживание госдолга. Во-вторых, проблема и в том, что сужается база для инвестиций в основной капитал. Минфин России снимает инвестиции с рынка для выполнения своих задач по балансировке бюджета, что ухудшает перспективы экономического роста.

Ускорение инфляции. Жесткая денежно-кредитная политика. Бюджетный импульс с его целевой направленностью на стимулирование спроса имеет следствием высокую инфляцию. Разогретый спрос стимулирует экономический рост. Однако ускоряющаяся инфляция заставляет Банк России ужесточать денежно-кредитную политику, повышая ключевую ставку, что, напротив, тормозит экономику. Жесткая денежно-кредитная политика выступает, таким образом, серьезным ограничением для продолжения политики бюджетного импульса.

В России в 2022–2024 годах такие, казалось бы, теоретические перспективы нашли полное свое подтверждение на практи-

27. Там же.

28. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. Ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. — М.: Институт экономики РАН, 2023 г. С.56.

29. Антон Сидуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны. <https://www.interfax.ru/russia/955290>

ке. В 2023 году Россия вступила с прогнозом по инфляции в 5,5%³⁰, однако по факту она составила 7,4%³¹. Достигнутый результат мог быть значительно выше, если бы не существенное ужесточение денежно-кредитной политики, проводимое Банком России практически на протяжении всего 2023 года. В результате величина ключевой ставки Банка России достигла к концу 2023 года 16%. Жесткая денежно-кредитная политика проводится потому что Банк России уверен: основным проинфляционным фактором является высокий внутренний спрос, который продолжает опережать возможности расширения предложения.

Не приходится сомневаться, что жесткая денежно-кредитная политика будет продолжена. Однако даже она не обеспечила достижения целевого уровня по инфляции в 4,5% в 2024 году³². Об этом можно было говорить с уверенностью уже в середине 2024 года.

Накопленная с начала 2024 года инфляция составила, по состоянию на 1 июля 2024 года, 4,5%³³. То есть годовой лимит по инфляции был вычерпан уже за I полугодие 2024 года. Рассчитывать на снижение инфляции за счет удешевления сельхозпродукции во второй половине 2024 года не приходится. Более того, сельхозпродукция сама стала драйвером повышенной инфляции, потому что в мае 2024 года были серьезные заморозки, а летом в значимых сельхозрегионах была засуха.

Поэтому Банк России все-таки повысил в июле 2024 года ключевую ставку до 18%, а в сентябре 2024 года до 19%, надеясь снизить инфляцию.

Это не означает, что такая политика не должна проводиться, потому что высокая инфляция способна еще больше затормозить экономический рост. Но это точно значит, что для продолже-

-
30. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf
 31. Об индексе потребительских цен в декабре 2023 года. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2024.html
 32. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf
 33. Об оценке индекса потребительских цен с 25 июня по 1 июля 2024 года. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/102_03-07-2024.html

ния успешного бюджетного импульса становится все меньше перспектив.

Джон К. Гэлбрейт указывал на этот счет: «Когда ликвидирована безработица, не меньшей, но противоположной по характеру опасностью становится инфляция. Ее можно предотвратить, приостанавливая расширение спроса» (Гэлбрейт, 1979). В России в 2024 году фиксируются исторически низкие рекорды по безработице, поэтому, если по Джону К. Гэлбрейту, главной опасностью стала растущая инфляция. Как следствие, ужесточение денежно-кредитной политики.

Джон К. Гэлбрейт, касательно опасности инфляции и последствий ужесточения в связи с этим денежно-кредитной политики, даже критикует в этом отношении Джона М. Кейнса, который «не видел, что власть, которая позволяет интересам производителя отклоняться от общественных интересов, будет способствовать тому, что простое изменение политики, которую он рекомендовал против безработицы и депрессии, окажется недостаточным для решения проблемы инфляции (Гэлбрейт, С.402–403).

Жесткость денежно-кредитной политики негативно сказывается на темпах кредитования экономики. В данном случае хорошая динамика инвестиций в основной капитал (в 2023 году инвестиции в основной капитал выросли, по данным Росстата, на 9,8% по сравнению с 2022 годом)³⁴ не должна вводить в заблуждение, здесь ключевую роль играют госинвестиции. Темпы роста именно рыночного кредитования экономики не столь высоки.

Рост налоговой нагрузки. По данным Минфина России, фискальная нагрузка (налоги и платежи, поступающие в бюджетную систему Российской Федерации) на экономику составила в 2022 году 35,04% от ВВП, оставаясь примерно на уровне 2021 года (35,57%)³⁵. В принципе, до весны 2024 года о возможности увеличения налоговой нагрузки не заявлялось, некоторые меры незначи-

34. Социально-экономическое положение России, январь–март 2024 года. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2024.pdf>

35. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTPP__2024-2026.pdf

тельно уменьшали налоговую нагрузку, какие-то — ее незначительно увеличивали. Уровень налоговой нагрузки не только в 2022 году, но и в целом в предшествующие годы поддерживался в районе 35–36% от ВВП.

Для поддержания бюджетного импульса нужны дополнительные доходы, которые можно получить, в том числе повышая налоги. В 2023 году впервые в отечественной практике был апробирован чрезвычайный налог, который заплатили в бюджет многие крупнейшие российские компании (суммарно более 300 млрд рублей удалось собрать). Налог заплатили компании, у которых средняя прибыль за 2021–2022 годы превышала 1 млрд рублей. Необходимо было перечислить в бюджет 10% от суммы превышения прибыли за 2021–2022 годы над аналогичным показателем за 2018–2019 годы. Был установлен крайний срок оплаты: 28 января 2024 года. Кто перечислял налог до 30 ноября 2023 года, могли заплатить по ставке не 10%, а 5% (чем многие компании и воспользовались).

Именно введение чрезвычайного налога можно, объективности ради, рассматривать в качестве начального этапа явного повышения налоговой нагрузки в российской экономике. После его введения можно было ожидать, что последуют и серьезные системные изменения налогового законодательства, в результате которых налоговая нагрузка в экономике России серьезно вырастет.

Такие ожидания оправдались, летом 2024 года были приняты поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации, которые не просто донастроили налоговую систему, но и внесли в нее серьезные изменения³⁶. Не все принятые нововведения означали повышение налоговой нагрузки, но самые серьезные из них свидетельствуют именно об этом.

Первоочередного внимания среди принятых налоговых мер не без оснований удостоилось введение прогрессивной шкалы по налогу на доходы физических лиц. Для граждан с доходами менее 2,4 млн рублей в год ставка по НДФЛ осталась на прежнем уровне — 13%. При доходах от 2,4 млн до 5 млн рублей в год ставка составит

36. Федеральный закон от 12.07.2024 №176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009>

15%, от 5 млн до 20 млн – 18%, от 20 млн до 50 млн рублей – 20%, больше 50 млн рублей в год – 22%. Были предусмотрены льготы по уплате НДФЛ для семей с двумя и более детьми, если доход на члена семьи не более 1,5 прожиточного минимума в месяц.

На фоне решения о введении прогрессивной шкалы по НДФЛ несколько потерялось другое важнейшее нововведение – о повышении ставки налога на прибыль организаций с 20% до 25%. С учетом того что доходы от налогообложения прибыли только в 2023 году составили 7,9 трлн рублей³⁷, нетрудно оценить, сколько дополнительных доходов может принести одно только увеличение ставки налога на прибыль на 5 п.п. – до 2 трлн рублей (с учетом роста налогооблагаемой базы, с одной стороны, и вводимых одновременно льгот в виде продления возможности применения инвестиционного налогового вычета, с другой).

Таким образом, одно только увеличение ставки налога на прибыль – это серьезное повышение налоговой нагрузки в экономике, которое вряд ли позитивно скажется на динамике ее развития. Такой вывод подтверждается отечественным опытом от обратного. В 2009 году в целях борьбы с мировым финансовым кризисом в России ставка налога на прибыль была снижена с 24% до 20%. Это была одна из ключевых и самых успешных антикризисных мер, реализация которой позволила относительно безболезненно пройти тогда тяжелый кризис.

Летом 2024 года были приняты и другие поправки в Налоговый кодекс, которые также вносят свой вклад в увеличение налоговой нагрузки: введение НДС для части предпринимателей, находящихся на упрощенной системе налогообложения (УСН); корректировка рентных налогов (повышение НДС) для добычи железа и для производства минеральных удобрений и пр.³⁸

Важно отметить, что Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов не предусматривали реализации та-

37. Минфин сыграл сбор. <https://www.kommersant.ru/doc/6729473>

38. Федеральный закон от 12.07.2024 №176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009>

ких радикальных мер, как введение прогрессивной шкалы подоходного налогообложения, серьезное повышение ставки налога на прибыль и прочее. Все, что есть в этом документе касательно того же налога на доходы физических лиц, это ряд незначительных новаций, в том числе уточняющего характера: расширение сферы применения налоговой льготы, установленной для семей с детьми в отношении дохода от продажи жилого помещения при улучшении жилищных условий; уточнение, что при определении дохода налогоплательщика, исчисленного нарастающим итогом с начала налогового периода для целей представления стандартного налогового вычета на детей, учитываются только доходы, относящиеся к основной налоговой базе, и пр.³⁹

Тем не менее, было решено внепланово повышать налоги.

Это является следствием бюджетного импульса, который, очевидно, затягивается и для реализации которого необходимы дополнительные финансовые средства.

Помимо того что повышение налогов само по себе уже стимулирует экономическое развитие, негативное влияние соответствующих мер заключается еще и в том, что предсказуемость налоговой политики в таком случае ожидаемо снижается, неопределенность развития экономической ситуации возрастает.

Повышается налоговая нагрузка и за счет традиционного, если можно так сказать, инструментария в текущем режиме. Так, с 1 мая 2024 года резко выросли акцизы на вино: акциз на вино вырос в три раза, до 108 рублей за литр, на игристое вино – с 47 рублей до 119 рублей за литр.

Рост налоговой нагрузки – это серьезное ограничение для бюджетного импульса. Из-за этого роста происходит снижение платежеспособного спроса. Получается, что это действие в противоход бюджетному стимулированию экономики.

Стимулирующая роль бюджетного импульса снижается при росте налоговой нагрузки, требуемая эффективность пропадает. Встает естественный вопрос о целесообразности бюджетного импульса. Формируется своего рода замкнутый круг: чтобы бюджетный

39. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTPP__2024-2026.pdf

импульс был продолжен, нужны соответствующие доходы (особенного тогда, когда с резервными источниками проблемы), нужно повышать налоги. Если растут налоги, эффект от бюджетного импульса, как было указано выше, пропадает. Таким образом, повышение налоговой нагрузки становится серьезным ограничением продолжения бюджетного импульса.

Деприватизация. В 2023–2024 годах достаточно четко обозначилась тенденция по деприватизации в российской экономике. Казалось бы, деприватизация, то есть обращение в государственную собственность частных компаний, никак не может быть ограничением для бюджетного импульса, который предполагает усиление государственного вмешательства в экономику. Однако необходимо учитывать особенность планируемой деприватизации.

Особенность состоит в том, что нынешняя деприватизация имеет в конечном итоге фискальный характер. По решению судов компании сначала деприватизируются, а потом планируется их приватизировать. В результате в 2024 году вместо немногим более 1 млрд рублей от приватизации планируется получить 100 млрд рублей⁴⁰. Строго говоря, деприватизация в этом случае является неким промежуточным этапом. Главное — приватизация деприватизируемого и получение от этого финансовых средств.

Министр финансов РФ Антон Силуанов так и говорит: «Эти активы, которые переходят в казну по решениям судов. Эти активы надо продавать»⁴¹.

В контексте рассмотрения проблемы бюджетного импульса получение 100 млрд рублей в бюджет от продажи деприватизируемых объектов — это изъятие денег из экономики, то есть это действие противоположное денежному стимулированию, это действие, ограничивающее спрос. Но тогда это также справедливо рассматривать в качестве серьезного ограничения для продолжения политики бюджетного импульса.

Проблема практически всех формирующихся серьезных ограничений для бюджетного импульса (в особенности это касается роста налоговой нагрузки и деприватизации) состоит в том, что

40. Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны. <https://www.interfax.ru/russia/955290>

41. Антон Силуанов: Дополнительные деньги бюджету нужны. <https://www.interfax.ru/russia/955290>

после того как созданы соответствующие прецеденты, обойтись без того же дальнейшего повышения налоговой нагрузки или деприватизации с фискальными целями будет очень сложно. Следовательно, сила соответствующих ограничений будет возрастать, а перспективы бюджетного импульса становиться все хуже.

Кратковременность позитивного эффекта бюджетного импульса не является проблемой в условиях отсутствия продолжительных негативных факторов.

Форс-мажорная ситуация, вызванная экономическим кризисом (будь то кризисом цикличного характера или даже чем-то вроде пандемии COVID-19) завершается, и можно заканчивать масштабное бюджетное стимулирование. Наступает период решения других проблем, вызванных бюджетным импульсом (высокой инфляции и пр.).

В нынешних условиях не только продолжающегося, но даже усиливающегося санкционного давления на российскую экономику, причины, почему экономика оказалась в стрессовой ситуации, сохраняются. Это означает, что сворачивать бюджетный импульс в такой ситуации нельзя, если мы хотим хотя бы сохранить положительные темпы экономического роста. Однако не сворачивать его тоже нельзя, потому что возможности для продолжения бюджетного импульса имеют временный характер, ограничения для этого усиливаются.

Получается, что «длительная опора экономики исключительно бюджетный стимул – крайне уязвима» (Смординская, Катков, 2023). Но других опор нет, значит, та, что есть, вряд ли может быть признана надежной.

Бюджетный импульс и макроструктурные изменения

Исследование бюджетного импульса через призму макроструктурных изменений самого высокого уровня – уровня ВВП – представляется перспективным с точки зрения понимания потенциала импульса, его границ.

ВВП, как известно, можно рассчитать тремя способами: производственным, методом использования, а также методом формирования ВВП по источникам доходов.

ВВП, рассчитываемый производственным методом, то есть как сумма добавленных стоимостей, получаемых в отраслях экономики, или как разница между выпуском товаров и услуг в целом по стране, с одной стороны, и промежуточным потреблением – с другой, не будет показательным с точки зрения изменений, которые можно трактовать как ограничения для экономического роста.

К примеру, если посмотреть, какова была динамика ВДС по отраслям экономики в России в 2022–2023 годах (табл. 1), то обращает на себя внимание тот факт, что ситуация достаточно сильно различается по отраслям. Так, большой прирост по ВДС в 2023 году по сравнению с 2022 годом показали деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – на 10%, деятельность административная и сопутствующие услуги – на 7,8% и т.д.

Таблица 1. Индекс физического объема ВВП и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики в постоянных ценах, в % к предыдущему году

Показатель	2023 год	Справочно 2022 год
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	103,6	98,8
в том числе:	100,1	107,0
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство		
добыча полезных ископаемых	98,0	100,6
обрабатывающие производства	107,0	98,0
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	100,1	100,3
водоснабжение; водоотведение, организация сбора утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	97,0	95,2
строительство	107,0	107,1
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	107,3	87,2
транспортировка и хранение	103,2	100,1
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	110,0	105,1
деятельность в области информации и связи	110,0	100,9
деятельность финансовая и страховая	108,6	102,4
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	100,7	101,5
деятельность профессиональная, научная и техническая	106,0	101,1
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	107,8	99,8
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	103,5	109,5
образование	101,6	102,0
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	99,6	93,4
деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	101,5	107,5
предоставление прочих видов услуг	97,3	97,5
деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	94,0	118,6
Чистые налоги на продукты	102,3	90,8

Источник: Росстат.

Некоторые виды экономической деятельности показали в 2023 году пусть и не такие высокие результаты, но, учитывая их вес в ВВП страны, они также должны быть в фокусе исследовательского внимания. Так, обрабатывающие производства показали прирост ВДС в 2023 году на 7%, а государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (все вместе) – на 3,5%. Прирост ВДС по этим отраслям, в отличие от тех же гостиниц и предприятий общественного питания, был в значительной степени подкреплен бюджетным импульсом. Однако вся эта фактура по динамике ВДС в разрезе отраслей экономики не дает каких-либо надежных ориентиров в плане информации, дающей представление о границах влияния бюджетного импульса на дальнейшую экономическую динамику.

Нет никаких формальных оснований утверждать, к примеру, что данные по динамике ВДС по отраслям экономики свидетельствуют о каком-то исчерпании потенциала бюджетного импульса, о каких-то его границах. Следовательно, данные по ВВП, рассчитанные производственным методом, не являются показательными в этом плане.

Что касается **ВВП, формируемого по источникам доходов**, то этот метод хотя и находится в рамках расчетов по СНС, не является основным. Причина состоит в том, что в данном случае не все показатели доходов получают путем прямого счета. Часть из них исчисляется балансовым методом. При использовании данного метода формирования ВВП отражаются *первичные доходы как субъектов хозяйственной деятельности, участвующих в производстве, так и органов государственного управления (организаций бюджетной сферы) и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства*. Используется этот метод Росстатом только для анализа стоимостной структуры ВВП. Для определения номинального объема ВВП или его динамики данный метод Росстатом не используется⁴².

Если мы обратимся к фактическим данным по ВВП по источникам доходов за 2022–2023 годы (Табл. 2), то сделать выводы относительно ограниченности бюджетного импульса будет также затруднительно.

42. Валовый внутренний продукт и методы его расчета. https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d000/i000320r.htm

Таблица 2. Структура ВВП по источникам доходов, в текущих рыночных ценах

Показатель	2023 год		Справочно 2022 год	
	млрд рублей	в % к итогу	млрд рублей	в % к итогу
Валовой внутренний продукт	171041,0	100	155350,4	100
в том числе:				
оплата труда наемных работников (включая оплату труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами)	69 583,4	40,7	59812,0	38,5
чистые налоги на производство и импорт	13 456,8	7,9	12017,0	7,7
валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	88 000,8	51,4	83521,3	53,8

Источник: Росстат.

О чем, к примеру, говорит тот факт, что доля оплаты труда наемных работников в структуре ВВП выросла с 38,5% в 2022 году до 40,7% в 2023 году. Можно уверенно утверждать, что произошло это не без масштабного бюджетного стимулирования экономики. Однако было бы ошибкой трактовать это относительно небольшое увеличение доли оплаты труда наемных работников в ВВП как свидетельство ограниченности влияния бюджетного импульса на экономику, как доказательство того, что бюджетный импульс исчерпал свой потенциал. Известно, что во многих развитых странах доля оплаты труда наемных работников в ВВП доходит до 50% и более, причем на такой уровень эти страны вышли уже достаточно давно. Тем не менее, это не помешало данным странам успешно развиваться продолжительное время.

В связке с существующим потенциалом по увеличению доли оплаты труда наемных работников правомерно рассматривать и резервы по снижению доли валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов в ВВП. Этот показатель снизился с 53,8% в 2022 году до 51,4% в 2023 году. Потенциал снижения этого показателя есть и в перспективе. Но, во-первых, рассматривать его в жесткой увязке с бюджетным импульсом было бы неправильно. Во-вторых, пока отмечаемое снижение вряд ли может быть индикатором того, что перспективы дальнейшего экономического роста ухудшились.

Структура ВВП, отражающая источники, является полезной информацией, и она может дать определенное представление о

возможных ограничениях для экономического роста в период масштабного бюджетного стимулирования. Однако пока наблюдаемые в 2022–2023 годах изменения в структуре ВВП России по источникам доходов не являются в этом плане информативными.

Структура **ВВП, рассчитываемого методом использования доходов**, представляет собой наиболее заслуживающую внимания информацию касательно структурных макроизменений и ограничений, которые могут быть выявлены в период масштабного бюджетного стимулирования.

ВВП, рассчитываемый методом использования доходов (табл. 3), представляет собой *сумму расходов на конечное потребление, валовое накопление и чистый экспорт*.

Расходы на конечное потребление состоят из:

- расходов на конечное потребление домашних хозяйств;
- расходов государственного управления на индивидуальные товары и услуги и на коллективные услуги;
- расходов на конечное потребление некоммерческих организаций, обслуживающих домохозяйства.

Таблица 3. Структура валового внутреннего продукта, рассчитанного методом использования доходов¹⁾,
(в текущих ценах, в процентах к итогу)

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Валовой внутренний продукт	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:													
расходы на конечное потребление	67,9	69,1	71,6	71,5	70,1	71,8	71,0	68,1	69,7	71,5	67,8	64,8	68,7
домашних хозяйств	49,9	50,9	52,6	53,1	52,1	52,9	52,4	50,0	51,2	50,8	49,9	47,3	49,8
государственного управления	17,6	17,8	18,6	18,0	17,6	18,5	18,2	17,7	18,1	20,1	17,3	16,9	18,3
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,6	0,6	0,6
валовое накопление	24,2	24,4	23,0	22,2	21,9	23,1	23,6	21,8	22,6	23,4	22,9	22,5	27,0
валовое накопление основного капитала ²⁾	21,3	21,4	21,7	21,3	20,5	21,9	22,0	20,6	20,9	21,5	19,4	20,1	22,6
изменение запасов материальных оборотных средств	2,9	3,0	1,3	0,9	1,4	1,2	1,6	1,2	1,7	1,9	3,5	2,4	4,4
чистый экспорт	7,9	6,5	5,4	6,3	8,0	5,1	5,4	10,1	7,7	5,1	9,3	12,7	4,3
экспорт	27,9	26,7	25,7	26,9	28,6	25,8	26,1	30,8	28,5	25,5	30,1	27,7	23,3
импорт	20,0	20,2	20,3	20,6	20,6	20,7	20,7	20,7	20,8	20,4	20,8	15,0	19,0

1) В процентах к ВВП, рассчитанному методом использования доходов (без учета статистического расхода).

2) Включая чистое приобретение ценностей.

Источник: Росстат.

Анализ проблемы бюджетного импульса заставляет обратить особое внимание на происходящее с расходами государственного управления на индивидуальные товары и услуги, а также на коллективные услуги. Что касается таких расходов на индивидуальные услуги, то это расходы в области образования, здравоохранения и культуры. А вот расходы на коллективные услуги — это прежде всего расходы на государственное управление и обеспечение военной безопасности. В условиях после 24 февраля 2022 года, когда острейший геополитический конфликт, связанный с событиями вокруг Украины, принял форму открытого вооруженного противостояния, эти расходы стали приоритетными. Именно эти расходы в определяющей мере стали влиять на размер бюджетного импульса.

Размер бюджетного импульса также в существенной мере предопределяется объемом средств, идущих на валовое накопление. Валовое накопление по своей структуре это:

- валовое накопление основного капитала;
- изменение запасов оборотных средств;
- чистое приобретение ценностей.

Наконец, третий важнейший элемент в структуре ВВП, рассчитываемого методом использования доходов, помимо расходов на конечное потребление и валовое накопление, это чистый экспорт, получаемый в виде разницы между экспортом и импортом товаров и услуг.

Изменение структуры ВВП, рассчитываемого методом использования доходов, произошедшее в 2022–2023 годах (особенно в 2023 году) на фоне усиления бюджетного импульса, является весьма примечательным с точки зрения выявляемых макроструктурных изменений.

Чистый экспорт. Доля чистого экспорта в ВВП достигла в 2023 году, по данным Росстата, крайне низкого, не характерного для российской экономики с ее значительным энергосырьевым экспортом, уровня — 4,3%. Этот показатель оказался почти в 3 раза меньше по сравнению с уровнем 2022 года, когда доля чистого экспорта в ВВП составила 12,7% (см. табл. 3). Но даже если принять во внимание, что 2022 год в этом отношении не является показательным, потому что тогда российский экспорт значительно увеличился из-за

резкого роста мировых цен на энергосырьевые товары, а импорт обвалился из-за введенных санкций, все равно доля чистого экспорта ВВП в 2023 году оказалась на низком уровне.

Такой невысокий показатель доли чистого экспорта в структуре использования российского ВВП никак не предусматривался соответствующими прогнозными планами правительства. Так, согласно Прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (сентябрь 2022 года)⁴³, доля чистого экспорта в структуре использования ВВП России должна была составить в 2023 году 9,2%. Аналогичный прогноз год спустя (сентябрь 2023 года), когда стало очевидным резкое снижение показателя, предусматривал, что он составит уже 6,2% по итогам 2023 года. На деле же оказалось еще значительно меньше⁴⁴.

Однако объективности ради необходимо подчеркнуть, что низким такой уровень мы можем назвать именно применительно к реалиям российской экономики, хотя априори предполагается, что наличие в принципе чистого экспорта, увеличение его доли в структуре ВВП — это однозначно хорошо и к этому необходимо стремиться. Однако это не совсем так (*Пархименко, 2022*). В тех же США, где экспорт устойчиво меньше импорта, никакой доли чистого экспорта в структуре ВВП, разумеется, нет. Тем не менее, США — это по-прежнему ведущая экономика мира. По итогам 2021 года доля чистого экспорта в структуре использования ВВП в США была минусовая: — 3,7%⁴⁵.

Поэтому вопрос о том, насколько негативным для российской экономики является снижение, или в перспективе вообще обнуление доли чистого экспорта в структуре ВВП, остается актуальным.

Но сначала важно отметить, почему произошло столь резкое снижение в 2023 году доли чистого экспорта в структуре рос-

43. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. https://www.economy.gov.ru/material/file/ea2fd3ce38f2e28d51c312acf2be0917/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2023-2025.pdf

44. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf

45. Россия и страны мира. 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf

сийского ВВП. Этот показатель 2023 года — доля чистого экспорта в структуре ВВП, равный 4,3%, получается как разность доли экспорта в ВВП (23,3%) и доли импорта (19%). И если показатель доли импорта особо ничем не отличается в сравнении за прошедшие годы (за исключением 2022 года, когда он составил 15%), то показатель доли экспорта оказался рекордно низким за эти же годы. Такое падение экспорта и предопределило прежде всего снижение показателя доли чистого экспорта в структуре ВВП.

Экспорт из России в 2023 году снизился, по данным ФТС России, до 425,1 млрд доллара США (в 2022 году он составлял 592,4 млрд доллара США)⁴⁶, или на 28,3%. А вот импорт, который заметно восстановился в 2023 году, увеличился с 255,3 млрд долларов США в 2022 году до 285,1 млрд долларов США⁴⁷, или на 11,7%. Результатом таких серьезных изменений, как уже отмечалось, стало резкое снижение доли чистого экспорта в структуре ВВП в 2023 году.

Снижение или даже обнуление доли чистого экспорта в структуре ВВП России в 2023 году означает, что перспективы экономического роста зависят все больше от того, что будет с двумя оставшимися частями в структуре ВВП, рассчитанного методом использования доходов: расходами на конечное потребление и валовым накоплением.

Расходы на конечное потребление госуправления.

Доля расходов на конечное потребление госуправления в структуре ВВП достигла в 2023 году 18,3% (см. табл. 3), что было на 1,4 п.п. больше, по сравнению с показателем 2022 года (16,9%). Очевидно, что это как раз результат усилившегося бюджетного импульса. В то же время показатель 2023 года не является рекордным. В 2020 году доля расходов госуправления в структуре ВВП составила 20,1% (см. табл. 3), что стало следствием масштабных бюджетных вливаний в первый год пандемии COVID-19.

Кроме того, динамика расходов на конечное потребление домашних хозяйств тоже в значительной степени становится зависимой от величины бюджетного импульса, потому что расходы до-

46. Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf>

47. Там же.

мохозяйств на приобретение потребительских товаров и услуг финансируются в большом объеме за счет бюджетных средств. Это касается далеко не только бюджетников, но и всех работников, оплата труда которых зависит от величины госзаказных средств.

Валовое накопление. Но вот какой показатель в структуре ВВП действительно достиг в 2023 году рекордного значения за последние десятилетия, так это доля валового накопления – 27% (см. табл. 3). Причем достигнуто это было как за счет увеличения в структуре ВВП, рассчитанного методом использования доходов, до самого высокого уровня за последние десятилетия доли валового накопления основного капитала – 22,6%, так и за счет увеличившейся доли изменения запасов материальных оборотных средств – до 4,4% (см. табл. 3). Повышение в 2023 году до экстремумов отдельных показателей в структуре ВВП является в значительной степени результатом масштабного бюджетного стимулирования – бюджетного импульса. Важнейший вопрос здесь состоит в том, насколько позитивными можно считать такие изменения и есть ли здесь какие-либо ограничения.

Изменение запасов материальных оборотных средств. Возьмем показатель доли изменения запасов материальных оборотных средств в структуре ВВП. Рекордное увеличение этого показателя в 2023 году до 4,4% означает не что иное, как рост производственных запасов незавершенного производства, готовой продукции и товаров для перепродажи. В 2023 году доля изменения запасов материальных оборотных средств увеличилась на 2 п.п. по сравнению с соответствующим показателем 2022 года, когда она составляла 2,4%. Если учесть, что ВВП страны вырос на 3,6%, то, казалось бы, можно предполагать, что в большей степени этот прирост был обеспечен увеличением запасов. Экономика, условно говоря, прирастала за счет работы «на склад», что имеет естественное ограничение. Тем не менее, не стоит и преувеличивать прирост доли изменения запасов материальных оборотных средств, ведь одновременно выросли соответствующие показатели и валового накопления основного капитала, и расходов на конечное потребление.

Важно отметить, что примерно на таком же уровне, как в 2023 году, показатель удельного веса изменения запасов материальных оборотных средств в структуре использованного ВВП был в середине 90-х годов прошлого века, когда экономика страны еще продолжала находиться в глубоком трансформационном кризисе: 4,4% – в 1995 году, 5,5% – в 1996 году⁴⁸.

Этот момент – увеличение прироста запасов материальных оборотных средств в период уменьшения ВВП – не остался без внимания исследователей (*Кузнецова, 2006*). Трудно не согласиться с утверждением, что «повышение надежности системы путем создания запасов рационально и возможно лишь в определенных пределах».

Не должна, в принципе, работать «на склад» и по-настоящему мобилизационная экономика. Экономика по праву может называться таковой, если в ней мобилизуются все ресурсы, в том числе материальные. В этом плане важно вспомнить, что на этот счет писал Н. Вознесенский (*Вознесенский, 1947*). Н. Вознесенский, бывший в годы Великой Отечественной войны первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, Председателем Госплана СССР, отмечал, что в первые два года военных действий происходило уменьшение материальных резервов и запасов в народном хозяйстве СССР. Безусловно, проводить прямые параллели с сегодняшним днем было бы некорректно. Тем не менее, факт есть факт: российская экономика, приобретающая в 2022–2023 годах во все большей степени характер экономики мобилизационного типа, не демонстрирует снижения доли запасов материальных оборотных средств в структуре ВВП. Более того, этот показатель даже начал серьезно расти, что в большей степени характерно для экономики, находящейся в кризисе.

Уровень национальной экономики является, по-видимому, не тем уровнем, на котором можно формировать запасы материальных оборотных средств по каким-то нормативам. Во всяком случае, это не уровень предприятия, на котором в соответствии с его технологическими особенностями можно рассчитать нормы оборотных средств (по производственным запасам, незавершенному производству, запасам готовой продукции на складе).

48. Национальные счета. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

Однако уровень национальной экономики — это все-таки тот уровень, на котором можно выделить явные отклонения показателя удельного веса изменения запаса материальных оборотных средств в структуре использованного ВВП от многолетних значений. Тем более в условиях повышательной динамики. Удельный вес изменения запасов материальных оборотных средств, зафиксированный по итогам 2023 года, — это явное отклонение.

Такое отклонение 2023 года в сторону увеличения можно объяснить, как минимум, двумя причинами. Во-первых, масштабный бюджетный импульс позволяет увеличивать запасы. Во-вторых, сохраняющаяся высокая неопределенность экономической ситуации мотивирует к наращиванию запасов. Получается, что и мотив есть, и средства имеются.

Однако такое резкое и значительное увеличение доли изменения материальных оборотных средств в ВВП — это скорее негативный показатель, свидетельство скорых явных проблем для экономики. Нормальная растущая экономика не работает «на склад».

Важно, что Прогноз социально-экономического развития на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (сентябрь 2023 года)⁴⁹ предусматривал, что доля изменения запасов материальных оборотных средств в структуре использования ВВП составит в 2023 году 1,6%. По факту этот показатель оказался значительно больше.

Джон М. Кейнс также обращал внимание на проблему накопления запасов (Кейнс, 2024). Для Кейнса это представлялось проблемой по двум основаниям. Во-первых, он указывал на издержки, связанные с хранением избыточных запасов, утверждая, что их «хранение редко обойдется дешевле 10% их стоимости в год». Во-вторых, он совершенно верно обращал внимание на то, что «процесс поглощения запасов представляет собой отрицательные капиталовложения». То есть нынешнее накопление запасов — это вычет из будущего экономического роста, когда будет происходить их уменьшение. Запасы, конечно, смягчают «разрушительную силу»

49. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. https://economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf

кризиса. Однако «процесс рассасывания запасов должен полностью завершиться, прежде чем наступит сколь-нибудь заметное оживление» (Кейнс, 2024).

Экономическая деятельность в масштабах страны, как и на микроуровне, невозможна без формирования запасов материальных оборотных средств. Однако выход этого показателя за разумные рамки говорит о том, что рост экономики за счет работы «на склад» оказывается исчерпанным. Проблема ведь в том, что увеличивать и увеличивать запасы, тратя на это в значительной мере бюджетные средства, невозможно в условиях, когда их же требуют и валовое накопление основного капитала, и нужды конечного потребления госуправления.

Структура использования ВВП зарубежных стран: выводы для России. Помимо уже сделанного выше вывода о том, что наличие в принципе доли чистого экспорта в структуре ВВП не является обязательным условием для экономического роста, анализ структуры использования ВВП зарубежных стран заставляет сделать еще ряд выводов, учет которых может помочь более обоснованно прогнозировать экономическую динамику России на фоне бюджетного импульса.

В условиях резкого снижения доли частного сектора в структуре ВВП перспективы экономического роста в большей степени становятся зависимыми от расходов на конечное потребление и расходов на валовое накопление. Причем приоритетными становятся, по-видимому, все-таки надежды на валовое накопление.

Доля валового накопления может увеличиться, а с ней могут усилиться и перспективы экономического роста, если еще больше уменьшится (станет минусовой) доля чистого экспорта в структуре ВВП. Однако учитывая сохраняющуюся, хотя и уменьшившуюся, энергосырьевую направленность российского экспорта, такие перспективы представляются маловероятными. Страны-экспортеры энергоресурсов традиционно имеют большую долю чистого экспорта в структуре ВВП: Казахстан – 15,5% (2022 год), Норвегия – 28,3% (2022 год), Азербайджан – 33% (2022 год). Россия как по-прежнему страна-экспортер в обозримой перспективе не

достигнет именно минусовых уровней Узбекистана – минус 32,6% (2022 год), и тем более Киргизии (2022 год) – минус 85,4%⁵⁰.

Потенциал снижения доли чистого экспорта в структуре ВВП России в ближайшие годы – это несколько процентных пунктов. Отсюда следует вывод о том, что доля валового накопления в структуре ВВП в очень незначительной степени может увеличиться за счет снижения соответствующей доли чистого экспорта.

Однако, возможно, доля валового накопления в структуре ВВП России имеет шансы для своего увеличения благодаря уменьшению доли расходов на конечное потребление государственного управления в структуре ВВП. По итогам 2023 года этот показатель в России составил 18,3% (см. табл. 3).

Чтобы сравнение с другими странами было корректным, возьмем для анализа среди них такие, в которых доля чистого экспорта не будет сильно отличаться от российского показателя: Китай – 2,6% (2021 год), Турция – минус 4,7% (2022 год), Индонезия – минус 0,4% (2022 год), Вьетнам – 0,3% (2021 год)⁵¹.

Расходы на конечное потребление органов государственного управления в этих странах: Китай – 15,8%, Турция – 11,8%, Индонезия – 8,8%, Вьетнам – 9%. А вот доля валового накопления в них: Китай – 43,1%, Турция – 35,1%, Индонезия – 33,8%, Вьетнам – 33,6%⁵², при не очень сильно отличающихся от российского показателя долях расходов на конечное потребление домашних хозяйств. Однако у России вряд ли есть возможность снизить долю расходов на конечное потребление органов государственного управления. Значит, доля валового накопления не имеет серьезного потенциала для дальнейшего увеличения, что заставляет сдержанно оценивать перспективы продолжения экономического роста.

Однако есть необходимость проанализировать, существует ли возможность нарастить долю валового накопления в структуре использования ВВП за счет снижения расходов на конечное потребление домохозяйств и НКО, обслуживающих домохозяйства.

50. Россия и страны мира. 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf

51. Россия и страны мира. 2023. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf

52. Там же.

Пример Китая, в котором доля расходов домохозяйств на конечное потребление составила 38,2% (2021 год)⁵³, казалось бы, говорит о том, что и у России есть такие резервы. Однако политически такое для российской практики представляется маловероятным. Благодаря бюджетному импульсу российский показатель составил в 2023 году 49,8% (см. табл. 3), и он вряд ли имеет серьезный потенциал для снижения (судя по опыту последних лет и исходя из политического фактора). Отсюда следует вывод о том, что если и имеется потенциал увеличения доли валового накопления в структуре российского ВВП, то он крайне незначителен. Такой же вывод для России следует в целом из анализа структуры использования ВВП зарубежных стран.

Бюджетный импульс последних лет привел к заметному увеличению доли валового накопления в структуре использования ВВП России, что во многом предопределило положительную экономическую динамику. Однако возможности бюджетного импульса в этих целях имеют свои границы.

Таким образом, структура ВВП, рассчитанного методом использования доходов, претерпела уже в 2023 году, на фоне рекордного для российской экономики бюджетного импульса, существенные изменения. Эти изменения свидетельствуют о том, что перспективы положительной динамики ВВП во все большей степени зависят от того, будет ли продолжен бюджетный импульс. Учитывая уже произошедшие изменения в структуре ВВП, можно утверждать, что формируются серьезные ограничения для продолжения экономического роста темпами, сопоставимыми с результатом 2023 года, когда прирост ВВП составил 3,6%.

53. Там же.

Заключение

Масштабное бюджетное стимулирование экономики – бюджетный импульс – теоретической основой которого является кейнсианство, является стратегической основой экономической политики России в противостоянии санкционному кризису после 24 февраля 2022 года. Первые годы проведения такой политики показали ее эффективность: сначала падение экономики было минимальным, а потом она вышла на траекторию экономического роста. Для такого успеха были свои причины: значительный запас накопленных финансовых резервов, чрезвычайно благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура на основные сырьевые товары российского экспорта в первые месяцы после резкой интенсификации санкций, военно-промышленный комплекс как основной получатель увеличившихся госрасходов, усиление закрытости российской экономики, ее рыночный характер и даже невысокий уровень жизни людей.

Однако проведение политики бюджетного импульса постоянно требует повышенного уровня доходов, для обеспечения которого достаточно скоро потребовалось изыскивать дополнительные источники. В результате стала заметно увеличиваться долговая нагрузка. Вынужденной мерой стало и серьезное повышение с 2025 года налоговой нагрузки через повышение ставки налога на прибыль с 20% до 25%, введение прогрессивной шкалы подоходного налогообложения граждан и другие меры. Повышение долговой и налоговой нагрузки становится серьезным ограничением для экономического роста, который и без этого трудно было характеризовать как высокий и устойчивый.

Однако главным ограничением для обеспечения экономического роста посредством масштабного бюджетного стимулирования становится растущая инфляция и необходимость ужесточения денежно-кредитной политики. Повышение инфляции – это неизбежное следствие бюджетного импульса. Стимулирование спроса

через вливание огромной массы денег в рыночной экономике обязательно ведет к росту цен. Поэтому стратегия политики бюджетного импульса, как показывает успешный зарубежный и отечественный опыт, заключается в том, что как только основные причины, вызвавшие кризис, перестают действовать, как только экономика переходит к росту, можно и нужно направлять все усилия на решение проблемы ускоряющейся инфляции.

Проблема российского санкционного кризиса заключается в том, что, хотя экономика и стала показывать рост, устойчивым который все-таки назвать нельзя, главная причина кризиса — санкции — остается. Более того, санкции даже усиливаются, к тому же они имеют накопительный эффект. Это значит, что политика бюджетного стимулирования должна быть продолжена.

Бюджетный импульс продолжается, но в условиях, когда основные резервы и меры уже задействованы, когда все больше раскручивается инфляционная спираль, становится все более очевидным его временной характер. Слишком велики становятся ограничения для его продолжения. Экономика попадает в своеобразную ловушку — ловушку бюджетного импульса.

Вывод об ограниченной перспективности продолжения политики бюджетного импульса основывается также на том, что не может быть успешного экономического развития при разнонаправленности важнейших политик. Получается, что бюджетная политика через масштабное денежное предложение направлена на стимулирование спроса, а денежно-кредитная политика через повышение ключевой ставки со стороны Банка России направлена на его снижение.

Точно так же налоговая политика через повышение ставок налога как для граждан, так и для бизнеса направлена не на стимулирование спроса, а на его снижение, как потребительского, так и инвестиционного.

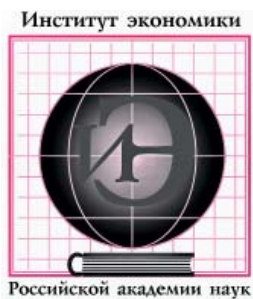
В экономике России формируются такие макроструктурные изменения, которые также свидетельствуют об ограниченном потенциале продолжения политики бюджетного импульса. К этим изменениям можно отнести, к примеру, резкое снижение доли чистого экспорта в ВВП России, рекордный рост показателя доли запасов материальных средств в структуре ВВП и пр.

В российской экономике, находящейся в условиях усиливающегося санкционного давления, сложилась ситуация, когда не продолжать политику бюджетного импульса нельзя. Однако экономика все больше приближается к ситуации, когда проводить ее будет невозможно.

Литература

- Блюдори Д., Уенджи Ч. Придание экономике большей устойчивости к спадам // М.: Блоги МВФ. 18 мая 2020. [Электронный ресурс] <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2020/05/18/blog-weo-ch2-making-economies-more-resilient-to-downturns>. (дата обращения: 08.08.2024)
- Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Государственное издательство политической литературы. 1947.
- Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс. 1979.
- Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. М.: АСТ. 2024.
- Кузнецова М.Н. Экономический анализ структуры и уровня запасов // Экономический анализ: теория и практика. 2006. №12. С. 40–45.
- Осадчая И.М. Современное кейнсианство: Эволюция кейнсианства и неоклассический синтез. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Пархименко В. А. Декомпозиция торгового баланса Республики Беларусь на основе таблиц «затраты-выпуск» / Пархименко В.А. // Экономика, моделирование, прогнозирование: сборник научных трудов / НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. Ред. кол.: М. К. Кравцов [и др.]. Минск, 2022. Вып. 16. С. 71–81.
- Смординская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №6. С. 26–42.
- Тарнуха Ю.В. При нынешнем строе Дж. М. Кейнс российской экономике не поможет // Международная научная конференция: «Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации»: Сборник тезисов / Под ред. Пороховского А.А., Хубиева К.А., Кайманакова С.В. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017. С. 198–200.

- Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М.: КоЛибри. 2011.
- Харрод Р. К теории экономической динамики. М.: Директ-Медиа. 2007.
- Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. 1955.
- Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации развития: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. — М.: Институт экономики РАН, 2023.
- Clark С. The Fundamental Problems of Economic Crowth // Weltwirtschaftliches Archiv. 1965. В 94. Н 1. Р. 2–5.
- Hansen A. Towards a Dynamic Theory of the Cycle // American Economic Review. 1952. 42(2), Р. 74–83.
- Harlan L. McCracken. Keynesian Economics in the Stream of Economic Thought. Pp. xv, 201. Baton Rouge: Louisiana State University Press. 1961
- Harrod R. Retrospect on Keynes // In R. Lekachman (ed.). Keynes's General Theory. New York. 1964. Macmillan. P.139–152.

Редакционно-издательский отдел:
Тел: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

И.А. Николаев

Возможности и ограничения бюджетного импульса
в экономической политике России в условиях санкций

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*
Редактор *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка *Борищева И.В.*

Подписано в печать 11.11.2024. Заказ № 20
Тираж 300 экз. Объем 2,7 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0729-7

